

Отзыв

на дипломную работу

Ольги Петрашовой

Vliv legend o svatém Václavovi na vyprávění o svatých Borisi a Glebovi

Предложенная к защите работа представляет собой исправленный и дополненный вариант дипломной работы на ту же самую тему. Очевидные ошибки и просчеты, выявленные в прошлом в ходе оппонирования, на данной стадии устранены. Необходимо отметить, что автор не ограничился косметическим «ремонтom», т.е. механическим учетом прорех, указанных оппонентом. Дипломная работа претерпела изменения и в целом: расширено введение, сглажены проблемные места и излишне категоричные суждения, значительно переработана последняя, заключительная глава. В итоге, при ознакомлении с текстом становится более явным, какие цели автор перед собой ставил и к каким результатам пришел.

Одним из важнейших недостатков было некорректное обращение с источниками, исследованиями предшественников, на которые дипломантка при написании своей работы опиралась (напомню, что в черновом варианте отсутствовала какая бы то ни была пагинация цитируемых источников). Ретроспективно, по мере возможности полно, автор воссоздал и внес в текст необходимые ссылки, однако сейчас возможное возражение может заслуживать наоборот – чрезмерная цитация. Наблюдается тенденция излишне скрупулезно выискивать и давать ссылки на вещи общеизвестные (например, святые Борис и Глеб являются предводителями воинов, стр. 16 и под.). Тем более что такого рода информация берется из энциклопедической литературы.

Похвалу, на наш взгляд, заслуживает цель, изначально поставленная перед собой автором. Работая над темой, Ольга Петрашова стремилась превзойти привычный в подобных случаях компилятивно-согласовательный подход (стр. 5-6). Последний практически неизбежно появляется, когда студент берется за разработку такой объемной темы. В нашем случае дипломантка стремилась найти «хотя бы один аспект, который бы заслуживал в будущем специального подробного рассмотрения» (стр. 5). Полагаю, что одну такую нишу исследовательского поиска дипломантка для себя нашла и успешно справилась с поставленной задачей.

Логику работы вкратце можно охарактеризовать следующим образом. Будучи основой основ древнейших чешско-русских культурных и литературных связей, святовацлавские легенды и агиографические тексты о св. Борисе и Глебе предрасполагают к выявлению текстовой взаимосвязи. Перед тем, как непосредственно выслеживать и анализировать проявление литературного влияния (4.2, 4.3), автор знакомит с культом святых (2.1, 3.1) и дошедшими до нас святовацлавскими и борисоглебскими памятниками (2.2, 3.2). В отдельной части главы (4.1) рассматриваются чешско-русские культурные связи и отчасти вопрос бытования древних чешских памятников на Руси. Пример литературного влияния таким образом получает необходимую историко-географическую обусловленность.

Рассматривая текстовую взаимосвязь между сравниваемыми памятниками, автор преимущественно опирается (как и в предшествующих главах работы) на исследования и выводы сделанные до нее. Несмотря на это, данная часть дипломной работы не

лишена оригинальности. Особого интереса, на наш взгляд, заслуживает проблематика рецепции святовячеславского культа за пределами чешских земель. На данный момент достаточно хорошо изучено бытование культа на территории Древней Руси, его следы обнаруживаются в Англии, Дании, Югославии, Испании и т.д. Ольга Петрашева расширяет географию за счет культурного опыта Великого княжества Литовского (стр. 9-10). Насколько мне известно, дневник-хождение (в составе свиты Радзивиллов) Теодорасе Белявичюса еще не использовался для нужд изучения святовацлавского культа. Любопытными представляются наблюдения, сделанные на основе более подробного ознакомления со староверческой библиотекой Ботевых (с верховья р. Мезень, Архангельской обл.). Автор делает предположение, что мезенские староверы могли ценить св. Вячеслава как заступника гонимых (стр. 38-39). Подтверждение данному наблюдению в будущем можно попытаться найти в Архангельском собрании А.Д. Григорьева (Славянская библиотека), в котором оказалась и рукописная часть ботевской библиотеки.

Сопоставление памятников о св. Вячеславе и русских страстотерпцах (4.2, 4.3) становится для автора предпосылкой, неизбежным условием для дальнейшего развития своей работы. Анализ текстов выявляет те места Сказания о Борисе и Глебе, которые в действительности могли быть обусловлены литературным образцом. Грамотная элиминация литературного заимствования позволяет обоснованно выделить те фрагменты памятника, которые можно считать оригинальными. К особенностям Сказания в частности относятся эмоциональные и в своей многословности красочные предсмертные монологи Бориса и Глеба (стр. 22, 57). Прямого соответствия не находим, поэтому возводить их к святовацлавским легендам не представляется возможным. Закономерно встает вопрос о природе предсмертных монологов.

Таким образом, исключив святовацлавскую литературную составляющую, автор дипломной работы закономерно и по праву переходит к предметному рассмотрению «оригинальных» мест Сказания. Предсмертные монологи страстотерпцев Ольга Петрашова обоснованно соотносит с традицией русских плачей. Близость к данному фольклорному жанру подчас декларировалась и ранее, однако никто взаимосвязь с плачем не рассматривал так предметно. Автор обращает внимание на сходство поэтики: повторяющиеся риторические вопросы (типа: *К кому прибегну, к кому обращу взор свой? Что же я буду делать теперь?*... и т.д.), уменьшительно-ласкательные обороты, типичные для плача сравнения (*лоза не выросшая, колос несозревший*). Отдельно оговаривается ситуация предшествующая непосредственно оплакиванию, когда плакальщик впадает в особое состояние, при котором приходят слова (параллель можно найти и в Сказание, стр. 57-58). Ключ к адекватному восприятию предсмертных монологов автор ищет непосредственно в структуре Сказания: «Примечательно, что плачу Бориса по самому себе предшествует вполне традиционный плач по умершему отцу, что задает тон дальнейшему изложению» (стр. 57). Плач традиционный, таким образом, подготавливает почву, помогает восприятию особой разновидности плача по самому себе (т. е. не привязанного к моменту *post mortem*, что по своей сути напоминает ситуацию автобиографического жития). Чтобы утверждение об автобиографическом плаче не казались голословными, автор находит подтверждение – указывает на типологически сходное явление периода разрушения жанра (стр. 58-59).

Последнее обстоятельство приводит автора к размышлениям о специфике восприятия плача в XI веке. Автобиографический плач наряду с другими причудливыми метаморфозами недавней современности (для наглядности автор останавливается на плаче-частушке) характеризует излет давней традиции, когда столетиями незыблемо соблюдаемые жанровые каноны приходят в движение. Появление автобиографического плача в Сказании о Борисе и Глебе, по мнению автора,

может свидетельствовать о похожем восприятии фольклорного жанра в образованной, книжной среде древнерусского общества, в глазах которого неактуальные и застаревшие жанры фольклора должны были освободить место новой литературной жанровой системе.

Представляется возможным развитие имплицитно представленную (в дипломной работе) мысль, что не литературный образец (возможно и послуживший стимулом для написания Сказания), а именно плачь по отцу и за ним следующие предсмертные плачи страдотерпцев предопределили небывалую популярность сказания. Именно они привнесли в текст произведения известный лиризм, эмоциональный накал, но главное, будучи проявлением давней и всем хорошо знакомой традиции, нашли понимание со стороны читателя того времени. Для современного читателя, незнакомого с погребальной обрядностью прошлого, это уже совершенно или уже далеко не такой понятный код.

Несмотря на всю привлекательность и чрезвычайную важность плачей (в медиевистике, например, при изучении того же самого *Слова о полку Игореве*), до сих пор отсутствует систематизирующая работа монографического порядка о бытовании, поэтике и истории развития данного жанра. Неудовлетворительная ситуация с исследовательской базой в определенной мере предопределили специфику исследовательского поиска. Ольга Петрашова опиралась на многочисленные полевые материалы, собранные экспедициями из Поморского государственного университета М. Ломоносова и Московского государственного гуманитарного университета. Конкретно дипломантка работала с аудиозаписями, сделанными от лучших информантов, носителей данного жанра (М. Алешина, д. Пяльма). Для нужд дипломной работы автором была сделана расшифровка необходимых мест.

Надеясь на дополнительные советы и рекомендации, в процессе написания дипломной работы Ольга Петрашова завязала знакомство с др. Славкой Матоушковой (Сазава), проф. Н. Дранниковой (Архангельск), проф. А. Топорков (Москва) и др.

Выше изложенную структуру работы – от рассмотрения культов и краткого источниковедения, к проблематике чешско-русских культурных связей и элиминации литературного влияния одного памятника на другой, а далее к анализу «оригинальной» части Сказания, обусловленной традицией плача, – считаем целиком обоснованной и удачной. Выводы могли бы быть более развернутыми. Похвалу заслуживает языковая компетенция – работа написана вполне корректным русским языком, хотя целиком и полностью избавиться от богемизмов (напр., стр. 2 – *похвалить за инспирирующие идеи*; на уровне синтаксиса стр. 32 – *Была ли сестра Бориса действительно супругой..., то можем ее считать...* и т.д.), мелких ошибок (стр. 14 – *обговорить* вместо *оговорить*; стр. 16 – *молятся от избавлениц*; стр. 29 – *А Также ...* и т.д.) и неточностей (в сноске № 110 приводится чешский оригинал из хроники Козьмы Пражского) все же не удалось.

Таким образом, дипломант проявил необходимую филологическую компетенцию. Дипломная работа не представляет собой свод всех возможных взглядов и выводов, особенно в последней части характеризуется творческим подходом и самостоятельностью суждений. Имеющиеся недочеты не умаляют достоинств проделанной работы. Полагаем, что предложенная к защите дипломная работа заслуживает оценку *отлично*.

Илья Лемешкин
14.9.2010

